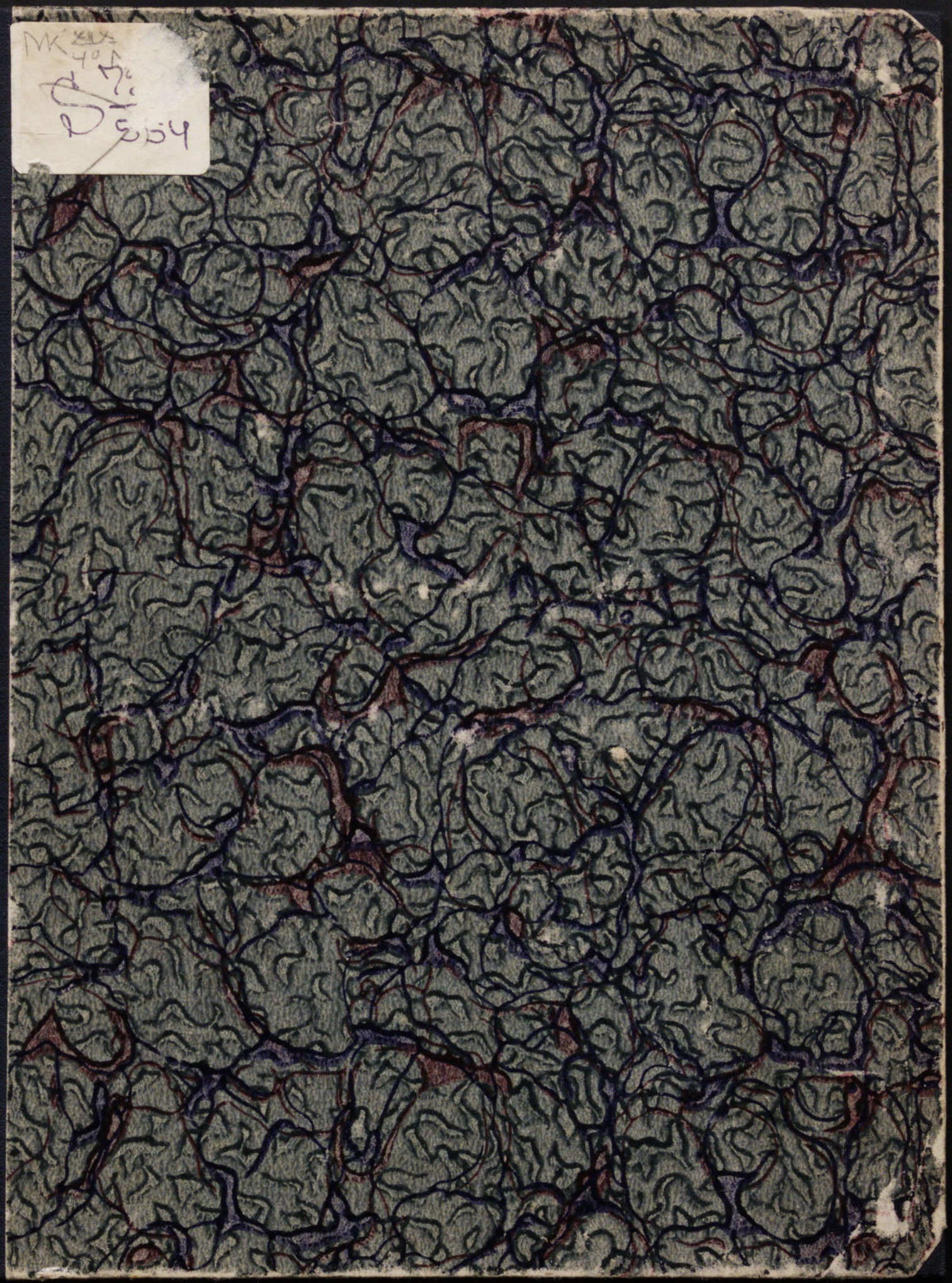
MK XIX 40 A
D 554



МК

МК XIX/чом.

Мудров, М. Я

2-й экз.

СЛОВО

О способѣ учить и учиться Медицинѣ Практической, или дѣятельному Врачебному Искуству при постеляхъ больныхъ,

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

ПРИ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ ОТКРЫТІИ И ОСВЯЩЕНІИ НОВЫХЪ ИНСТИТУТОВЪ МЕДИЦИНСКАГО И КЛИНИЧЕСКАГО

Сентября 25 дня 1820 года,

ПРОИЗНЕСЕННОЕ

Директоромъ Клиническаго Института и Университетской больницы, Статскимъ Совѣтникомъ, Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра 4й степени Кавалеромъ, Медицины Докторомъ, Паталогіи, Терапіи и Клиники Профессоромъ П. О., Императорской Медико-Хирургической Академіи Почетнымъ Членомъ и разныхъ Россійскихъ и иностранныхъ Ученыхъ Обществъ Членомъ

Матѳіемъ Мудровымъ.

МОСКВА
Въ Университетской Типографіи.
1820.

S 72/554

ИМПЕРАТОРСКАГО
Московскаго
Университета.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
35898-50

Благодареніе Тебѣ, Всещедрый! Исполнились во благихъ прошенія наши, принесенныя Тебѣ на мѣстѣ семъ, при основаніи сея Учебныя Больницы! Ибо Ты, Господи, неизреченный въ милостяхъ, сподобилъ насъ совершить дѣло сіе, яко угодное предъ Тобою! Пріими убо отъ сердецъ нашихъ жертву хваленія Тебѣ возносимую, и паки просимъ и молимъ, ниспослати намъ свѣтъ Твой и истину Твою, да ходя предъ Тобою въ званіи, въ немъ же призваны ко облегченію болящихъ и къ назиданію врачующихъ, сотворимъ мы, и послѣдователи наши да творятъ всегда волю Твою благую, угодную и совершенную! Тако да будетъ!

Воздавъ благодареніе Всещедрому Богу, и положивъ добрыя намѣренія и желанія въ сердцахъ своихъ, обратите умственныя очи ваши, Любезные Юноши, и зрите, Кто есть Сей Сильный словомъ и дѣломъ, Коему Вы обязаны воспитаніемъ Вашимъ, и Который даровалъ Вамъ всѣ способы содѣлаться полезными какъ самимъ себѣ, такъ равно и ближнимъ? Сей есть, мышцею Коего Господь силъ возставилъ изъ пепла Первопрестольный Градъ сей, возносящій златые верхи свои до облаковъ. Сей есть, Коего любовію къ наукамъ сіи развалины Московскаго Университета преобразились въ вящшее велелѣпіе и славу. Сей есть, Коимъ основано сіе человѣколюбивое заведеніе, гдѣ Вы теперь находитесь, и которое раззорено было хищною рукою врага, но за вѣру Основателя, ко всеобщему удивленію, спаслось отъ пламени, со всѣхъ сторонъ окрестныя зданія пожиравшаго. Сей есть, милосердіемъ Коего оно обновилось, украсилось, и озарилось новымъ блескомъ

и величіемъ. Сей есть, Который основалъ для Васъ и новый Врачебный Институтъ на сто казенныхъ воспитанниковъ.

Почто же вопрошать мнѣ у Васъ, Достопочтенные Посѣтители, Кто есть сей Благодатный? Сердца Ваши уже сами наименовали Того, рукою Коего Господь силъ и оную огнедышущую гору, сей Святый Градъ воспалившую, преложилъ въ сердце морское.

Хвались Россія о твоемъ САМОДЕРЖЦѢ! Любезное Отечество! забудь скорби и печали твои; или паче помни ихъ, дабы хвалить, благословлять и благодарить милующаго тебя Господа, даровавшаго тебѣ лучшаго изъ царей ЦАРЯ, покорившаго двадесять языкъ враговъ твоихъ и сокрушившаго обидѣвшихъ тебя!

Но воспоминаніемъ протекшихъ бѣдствій и тратъ частныхъ и общихъ, не станемъ омрачать свѣтлаго дня нынѣ торжествующихъ и веселящихся Московскихъ Музъ; ибо возпылалъ Святый Градъ сей для того, чтобы возстать изъ пепла своего въ большемъ величіи, красотѣ и святости. Ежели и попрана была святыня Господня, то ради того, да крѣпкій во бранѣхъ Господь явитъ силу Свою въ боящихся имени Его. Тако и Московскій Университетъ, сей самый, какъ гласитъ преданіе, домъ Романовыхъ, возсталъ нынѣ изъ развалинъ, и паки, яко исполинъ, облекся въ свои доспѣхи и лѣпоту. Сія самая Учебная Больница, сіе богоугодное заведеніе, посвященное страждущему человѣчеству, послѣ расхищенія своего возстановлено, разпространено втрое, обогащено впятеро и щедротами Отца Отечества приобрѣло сто благовоспитанныхъ юношей, на службу Государству въ ономъ готовящихся.

Къ вамъ обращаю рѣчь мою, Юные Воспитанники врачебныя науки! ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО, Всемилостивѣйшій нашъ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, предстательствомъ доблестнаго Министра и Покровителя нашего, Князя Александра Николаевича Голицына, и ходатайствомъ благонамѣреннаго Попечителя и Благодѣтеля нашего Князя Андрея Петровича Оболенскаго, даровалъ Вамъ всѣ способы къ просвѣщенію сердца и разума на пользу Вашу и на пользу общую. Сіи Высокопочтенные Начальники наши, свѣтомъ благочестія сіяющіе, яко блюстители здѣшняго Святилища Наукъ, ожидаютъ отъ насъ и отъ Васъ благословенныхъ плодовъ во время свое. Цвѣтите и спѣйте здѣсь; отверзите умъ и сердце Ваше къ воспріятію благотворной росы въ поученіяхъ мудрыхъ наставниковъ Вашихъ!

А какъ всѣ науки Ваши, подобно источникамъ, издалека отъ разныхъ странъ текущимъ, должны сливаться здѣсь, при одрѣ болящихъ — въ сей Учебной Больницѣ, имѣющей пять разныхъ отдѣленій (*), гдѣ предлежатъ пятьдесятъ больныхъ, ожидающихъ Вашей помощи и своего облегченія: то я желая споспѣшествовать всѣми силами, чтобъ сей новый нашъ Клиническій Институтъ принесъ Вамъ и Отечеству всю возможную пользу, по долгу званія моего, предпріемлю *изложить обязанности Ваши здѣсь при постеляхъ больныхъ, и преподать прочныя правила, служащія основаніемъ дѣятельному врачебному искусству;* дабы Вы, вступивъ въ службу, и въ мужествѣ и въ старости слѣдовали наставленіямъ, кои опытность многихъ лѣтъ приноситъ Вамъ

(*) Она состоитъ изъ 5 отдѣленій, кои суть: 1е. Клиническое, внутреннихъ болѣзней, 2е. Хирургическое, 3е Акушерское, 4е. Университетская больница, и 5е. Больница для воспитанниковъ.

въ даръ. Ибо поздно для Васъ наступитъ то злашое время, когда Вы будете руководствоваться уже собственнымъ сужденіемъ практическимъ, которое приобрѣтается единственно долголѣтнею опытностію и наблюденіемъ. Во врачебномъ искусствѣ нѣтъ Врачей, окончавшихъ свою науку. Наука наша такъ обширна, говоритъ Гиппократъ, что цѣлая жизнь для нее недостаточна.

Я долженъ бы, Любезные Юноши, сіе врачебное ученіе начать съ врачеванія Васъ самихъ, то есть, съ лѣченія Вашей наружности въ чистоплотности, въ опрятности одежды, въ порядкѣ жилища, въ благоприличіи вида, тѣлодвиженій, взглядовъ, словъ, дѣйствій и проч., потомъ перейти къ врачеванію душевныхъ свойствъ Вашихъ. Начавъ съ любви къ ближнему, я долженъ бы внушить Вамъ всѣ прочія, проистекающія изъ оной врачебныя добродѣтели, а именно: услужливость, готовность къ помощи во всякое время, и днемъ и ночью; привѣтливость, привлекающую къ себѣ робкихъ и смѣлыхъ; милосердіе къ чужестраннымъ и бѣднымъ; безкорыстіе; снисхожденіе къ погрѣшностямъ больныхъ; кроткую строгость къ ихъ непослушанію; вѣжливую важность съ вышшими; разговоръ только о нужномъ и полезномъ; скромность и стыдливость во всякомъ случаѣ; умѣренность въ пищѣ; ненарушимое спокойствіе лица и духа при опасностяхъ больнаго; веселость безъ смѣха и шутокъ при щастливомъ ходѣ болѣзни; храненіе тайны и скрытность при болѣзняхъ предосудительныхъ; молчаніе о видѣнныхъ или слышанныхъ семейныхъ безпорядкахъ; обузданіе языка въ состязаніяхъ, по какому бы то поводу ни было; радушное принятіе добраго совѣта, отъ кого бы онъ ни шелъ; убѣдительное отклоненіе вредныхъ предложеній и совѣтовъ; удаленіе отъ

суевѣрія; цѣломудріе, благочестіе, богопочитаніе внутреннее и наружное; покореніе самаго себя и порученіе врачеванія власти Божіей, словомъ: *мудрость*. Медицину должно соединять съ мудростію; ибо по словамъ Гиппократа, Врачь любящій мудрость подобенъ Богу.

Изложеніемъ сихъ добродѣтелей и свойствъ Врача, я могъ бы преисполнить мое къ Вамъ привѣтствіе для достопамятнаго дня сего. Но какъ таковое ученіе пространно описано въ Словѣ моемъ о благочестіи и нравственныхъ качествахъ Врача, то и совѣтую Вамъ читать и обращать оное къ назиданію и исправленію Вашему. Въ немъ говорилъ я не языкомъ лжемудрія, но правдолюбивыми устами Гиппократа, отца Медицины и Князя Врачей. Шествуя симъ прямымъ путемъ, Вы достигнете настоящаго душевнаго благородства; а въ добавокъ получите гражданскія отличія, коими ВЕЛИКІЙ ГОСУДАРЬ щедро награждаетъ достойныхъ слугъ Своего Престола и Отечества.

Съ намѣреніемъ и съ искреннимъ желаніемъ существеннаго Вамъ блага, изобразивъ необходимость врачеванія наружныхъ и внутреннихъ свойствъ Вашихъ, Любезные Юноши, а съ тѣмъ вмѣстѣ и лестныя награды, Васъ ожидающія, долженъ бы я обратиться къ предположенной мною цѣли, — къ начертанію правилъ, каковыхъ слѣдуетъ Вамъ держаться во всю жизнь Вашу у одра больныхъ; но движимъ будучи нѣжною къ Вамъ любовію, не могу удержаться, чтобъ не сказать Вамъ, что для достиженія гражданскаго благосостоянія и для полученія благороднаго имени, Вамъ надобно готовиться къ понесенію тяжкихъ трудовъ на будущемъ поприщѣ вашемъ, и не искать ничего, кромѣ строгаго исполне-

нія священныхъ должностей Вашихъ, какія бы вражды или гоненія ни препинали Вамъ на семъ тѣсномъ пути.

Какіе же тяжкіе труды и вражды предлежатъ намъ? и почему тѣсенъ путь сей? спросите вы меня, Любезные Юноши! На сіе мужественнымъ изъ Васъ я буду отвѣтствовать словами Превѣчныя Истины, что искомый вами къ мудрости путь для рѣшительныхъ людей легокъ; ибо ведетъ къ правдѣ, къ которой вся приложатся. Въ десницѣ мудрости здравіе, долгоденствіе и жизнь, въ шуйцѣ же богатство и слава. А тѣмъ изъ Васъ, кои еще слабы и не могутъ сея истины постигнуть, я буду отвѣчать медоточивыми устами Цицерона, дабы и въ нихъ возбудить соревнованіе ко благу общему желаніемъ себѣ чиновъ, славы и благоденствія.

Повѣдай же намъ, незабвенный Витія Сената и народа Римскаго, какіе необѣятные труды и непріязни предлежали тебѣ, и какіе предлежатъ намъ? „По истинѣ, говоритъ „Цицеронъ, я не искалъ ихъ, но они по неволѣ бременятъ „меня; ибо не могу дозволить себѣ такого бездѣйствія, „какимъ пользуются люди знатные. На ложѣ нѣги и роско„ши получаютъ они награды и почести (за заслуги своихъ „предковъ); а я въ семъ градѣ долженъ поступать совер„шенно инымъ образомъ и идти путемъ многотруднымъ. Въ „ободреніе себѣ привожу на мысль примѣръ Катона, мужа „мудраго, который приобрѣлъ довѣренность народа не ро„домъ, но доблестьми своими, и который пожелавъ содѣ„латься самъ родоначальникомъ своего поколѣнія, препо„бѣдилъ зависть, вражду людей сильныхъ, и жилъ до глубо„кой старости подъ тяжкимъ бременемъ трудовъ и подъ „громкимъ звукомъ славы. Помпей, рожденный въ низкой „долѣ, достигнулъ вышшихъ почестей, преодолѣвъ вражду,

„претерпѣвъ величайшія опасности и пренеся невѣроятные „труды. Вижу и другихъ многихъ, посреди препонъ и подъ „бременемъ заботъ, грудью пробившихся къ тѣмъ высокимъ „мѣстамъ, кои достаются знатнымъ посреди забавъ ихъ и „безпечности; но я избралъ себѣ жизнь строгую и трудо„любивую. Тако слѣдую по стопамъ людей, своими достоин„ствами великихъ. Мы видимъ, коликую зависть и вражду „имѣютъ знатные противъ доблестей и талантовъ людей но„выхъ. Едва уклонилъ глаза отъ дѣла, уже сѣти готовы. „Лишь только подалъ малѣйшій поводъ къ подозрѣнію и об„виненію, уже ударъ нанесенъ и рана дана. Изъ сего ясно „видно, сколь необходимо намъ безпрестанно бодрствовать, „безпрестанно трудиться.“ А мы къ тому присоединимъ: *и безпрестанно молиться.* „Возстаетъ вражда? Должно тер„пѣть. Предлежатъ труды? Должно приниматься за нихъ „всѣми силами. Не столь опасна вражда явная и открытая, „сколь страшна вражда тайная и скрытная. Знатные бы„ваютъ рѣдко покровителями талантовъ нашихъ. Никакими „услугами не льзя приобрѣсть ихъ благорасположенія. Коли„ко родомъ и званіемъ они отъ насъ отдалены, толико же „умомъ и волею отъ насъ отличны. Естьли уже злобству„ютъ они и ненавидятъ насъ безъ всякой причины, то „сколь ужасны бываютъ гоненія ихъ за самое дѣло!“ Тако вѣщалъ Цицеронъ.

Теперь приступимъ къ настоящему дѣлу, и разсмотримъ, какіе труды, какіе подвиги предлежатъ Вамъ при началѣ Вашего врачебнаго поприща; или скажу откровеннѣе: какіе труды предлежатъ намъ въ сей больницѣ съ больными и съ Вами, Любезные Юноши! дабы, видя оные, научились Вы, какъ по примѣру старшихъ дѣйствовать младшимъ.

Врачебный разумъ одинъ, наука одна; но врачеваніе многоразлично, и потому-то одни Врачи превышаютъ въ искусствѣ другихъ. Благородные и простолюдимы, бѣдные и богатые, ученые и невѣжды, художники и мастеровые, городскіе жители и поселяне, желающіе лежать въ больницѣ и ужасающіеся болѣзненныхъ одровъ ея, всѣ просятъ здравія и просятъ помощи нашей. Одни любятъ пользоваться лѣкарствами, другіе безъ лѣкарствъ простыми средствами; а посему и самое врачеваніе различно, по различному состоянію, свойству и образованію людей. Сія наука основана на началахъ умственныхъ, выведенныхъ изъ опыта и наблюденій, и называется *Искуственною Медициною* (Medicina artificialis), та самая, которая преподается во всѣхъ Университетахъ и Академіяхъ людямъ образованнымъ; самая та, которую и я преподаю Вамъ съ сего мѣста чести. Но сходя отсюда къ постелямъ больныхъ, когда я учусь, и поучаю Васъ познавать предлежащую болѣзнь изъ устъ самаго больнаго, либо изъ причинъ, либо изъ вида ея; опредѣляю Вамъ натуру и форму ея; признаю ее излѣчимою, либо неизлѣчимою; для излѣчимой предписываю надежныя лѣкарства; для неизлѣчимой успокоивающія средства; и когда частную болѣзнь, спасающую здравіе всего тѣла, не только запрещаю лѣчить, но еще совѣтую поддерживать: то сія же самая Медицина называется *Практическою*, или лучше *Клиническою* (Medicina clinica); ибо на самомъ дѣлѣ и при постеляхъ больныхъ показуетъ свое искусство. Въ больницахъ, гдѣ всегда соблюдается хозяйственная бережливость, простота и единообразіе, гдѣ вмѣсто дорогихъ лѣкарствъ употребляются замѣняющія ихъ дешевыя средства, она называется *Госпитальною* (Medicina nosocomialis). Въ богатыхъ и знатныхъ домахъ, гдѣ соблюдается изящность и выборъ аптекарскихъ и всякихъ пособій, она именуется

Городскою практикою (Praxis civilis); а въ хижинахъ бѣдныхъ и недостаточныхъ людей, гдѣ употребляются домашнія и самыя дешевыя лѣкарства, она называется *Медициною бѣдныхъ* (Medicina pauperum). И такъ Вы видите, что врачебный разумъ одинъ, а средства врачебныя, по самому существу сихъ трехъ предметовъ, должны быть различны. Не заключите однакожъ изъ сего повѣствованія, Любезные Юноши, что я намѣренъ въ сей Учебной Больницѣ покорствовать скупости, при лѣченіи Васъ самихъ и прочихъ Университетскихъ питомцевъ. Нѣтъ, Вы сами свидѣтели моихъ скорбей и болѣзней при постеляхъ Вашихъ, моихъ полунощныхъ посѣщеній при покоиномъ снѣ Вашемъ, расходовъ тысящныхъ, употребленныхъ для выздоровленія Вашего, или для выздоровленія даже и одного изъ Васъ, когда важность болѣзни того требовала. Скажите, случалось ли когда, чтобъ въ сей больницѣ отказано Вамъ было въ лучшей пищѣ, питіи, дорогомъ лѣкарствѣ, и въ чемъ либо на пользу Вашу потребномъ? Отказывалъ ли въ томъ когда Вамъ и мнѣ благодѣтельный Попечитель нашъ? А сіе самое обиліе средствъ и составляетъ ту золотую вѣтвь Медицины практической, искуственной, городской, изящной (elegans), которою пользуются богатые только и вельможи. Да и тѣ никогда не могутъ имѣть такой прислуги, каковую имѣете Вы отъ своихъ собратій во время Вашихъ болѣзней.

Но Вы будете бѣдные врачи, естьли будете знать одну только Медицину богатыхъ. Въ опочивальню вельможи нѣтъ другаго пути врачу, какъ чрезъ людскія избы ихъ челядинцевъ и чрезъ хижины бѣдныхъ. Это суть колокола, въ кои сначала будутъ благовѣстить о Вашемъ искусствѣ. И такъ воздвизая нищихъ отъ гноища, обязуя сокрушенныхъ и

взыскуя погибающихъ, Вы содѣлаете имя свое извѣстнымъ и возсядете съ вельможами. Научитесь же прежде всего лѣчить нищихъ, вытвердите Фармакопею бѣдныхъ (Pharmacopoea pauperum), вооружитесь противъ ихъ болѣзней домашними снадобьями: углемъ, сажею, золою, травами, кореньями, холодною и теплою водою; употребите въ пользу бѣдныхъ Вашихъ больныхъ самыя стихіи: огонь, воздухъ, воду, землю, пособія никакихъ издержекъ не требующія, и къ тому приличную пищу и питіе; ибо бѣдность ихъ не позволяетъ покупать лѣкарствъ изъ аптеки, а недовѣрчивость къ онымъ запрещаетъ. Сей родъ лѣченія и составляетъ въ практической Медицинѣ оную сухую вѣтвь, или паче вѣчно-зеленѣющую лѣторасль, которая называется *Медициною бѣдныхъ* (Medicina pauperum), иногда *Медициною домашнею* (Medicina domestica, s. empirica), иногда *Медициною ремесленниковъ* и *мастеровыхъ* (Medicina opificum), иногда *Медициною ученыхъ людей* (Medicina litteratorum), иногда *Медициною деревенскою* (Medicina rusticorum), по различію цѣли писателей о сихъ предметахъ. Различіе сихъ наукъ зависитъ отъ причинъ болѣзней, т. е. отъ разнообразія труда и ремесла; а бѣдность есть общая оболочка и существо таковыхъ больныхъ. Общее всѣмъ имъ леченіе есть покой, хорошая пища, питіе и чистый воздухъ; а частное многоразлично по различію причинъ. И сіи вѣчно зеленѣющія лѣторасли Медицины практической всегда украшали входъ, или Пріемную нашея Учебныя Больницы. Симъ райскимъ вратіемъ, слезами страждущихъ, яко перлами блистающимъ, совѣтую и Вамъ отличаться здѣсь на земли; ибо и въ будущей жизни изъ нихъ токмо сплетаются вѣнцы врачей. Таковымъ единственно лѣченіемъ исполните вы волю Божію благую, угодную и совершенную.

Ты, Врачу душѣ и тѣлесѣ, вѣдающій помышленія человѣческія! сподоби насѣ здѣсь похвалиться о милости Твоей, и не отвраши отѣ прага Учебныя Больницы сея приходящихѣ кѣ намѣ бѣдныхѣ больныхѣ! Двери больницы сея и двери дому моего всегда были отверсты для браттіи Твоей меньшей. Да не будетѣ сія хвала моя во осужденіе мнѣ, но вѣ примѣрѣ и назиданіе симѣ Юношамѣ!

Медицина Госпитальная или больничная есть средина между дорогимѣ врачеваніемѣ богатыхѣ и дешевымѣ лѣченіемѣ бѣдныхѣ. Странное, но извѣстное всѣмѣ добрымѣ хозяевамѣ дѣло, что богатымѣ помогаетѣ продолжительное употребленіе лѣкарствѣ дорогихѣ, а бѣднымѣ малозначущее пособіе приноситѣ скорую пользу. Причина сего различія лакомство и бездѣйствіе первыхѣ, и простая пища и трудолюбіе послѣднихѣ. Вѣ потѣ лица твоего снѣси хлѣбѣ твой: се первый Богописанный рецептѣ для здравія роду человѣческому!

Но когда и труды, свыше силѣ человѣческихѣ, для пропитанія семейства подъемлемые, производятѣ истощаніе; когда война потребляетѣ цвѣтѣ юности; когда небо мѣдяно содѣлываетѣ землю желѣзною; когда прелюбодѣйный ядѣ проѣдаетѣ тѣло до мозговѣ костей, и заражаетѣ самую невинность; когда пьянство лишаетѣ хлѣба насущнаго отца семейства и домочадцевѣ: тогда пораждаются болѣзни, коимѣ домашнія средства не помогаютѣ. Для таковыхѣ нещастныхѣ милосердое Правительство устрояетѣ больницы и назначаетѣ опредѣленныя суммы. Изѣ сихѣ границѣ человѣколюбія врачи выступитѣ не могутѣ; и потому они раздѣляютѣ больныхѣ на палаты, по различію болѣзней; и больнымѣ, страждущимѣ

сходными болѣзнями, предписываютъ одинакую пищу и одинакое лѣкарство.

Въ чемъ же состоитъ первая обязанность врачей? Въ томъ, чтобъ найти сходство однихъ болѣзней по ихъ свойствамъ, и отличить отъ другихъ, требующихъ инаго лѣченія и инаго содержанія въ діэтѣ, или что все одно: первѣе надобно познать болѣзнь; ибо познаніе болѣзни есть уже половина лѣченія.

А какъ познать болѣзнь; какъ опредѣлить оную по ея натурѣ; какъ назвать по ея виду; какъ назначить ея поприще; какъ измѣрить ея силу; какъ предсказать исходъ ея; какъ лѣчить ее, кореннымъ образомъ, либо только укрощать ея порывы; какъ описывать ея ходъ? Все сіе предварительно при постеляхъ больныхъ, на самомъ дѣлѣ показуется въ сей Учебной Больницѣ, которая имѣетъ больныхъ всякаго состоянія, и которая служитъ преддверіемъ для будущихъ Госпиталей Вашихъ, военныхъ и гражданскихъ. Когда же болѣзнь превозмогаетъ натуру и искусство; тогда показуется мѣсто и причина болѣзни, и разрушеніе органовъ. Таковое дѣятельное ученіе составляетъ нашъ предметъ, цѣль Клиническихъ Институтовъ, школу усовершенствованія и примѣръ къ подражанію учащихся. Сіе дѣятельное ученіе надъ больными требуетъ Вашихъ трудовъ, напряженнаго вниманія и всенощныхъ бдѣній! Ибо здѣсь полагается начало къ городской и деревенской Практикѣ, къ военной Медицинѣ и Хирургіи на сушѣ и на водахъ, къ Медицинѣ бѣдныхъ, ученыхъ, ремесленниковъ и къ вспоможенію беременнымъ, родильницамъ и ихъ младенцамъ.

Вступая съ Вами, Любезные Юноши, въ пространное поле познанія и лѣченія болѣзней, по истинѣ недоумѣваю, какою ближайшею стезею обойти и обозрѣть съ Вами сію юдоль плачевную, и обойти такъ, дабы плачь страждущихъ обратился въ радость ихъ, и дабы они воскликнули: коль красны ноги приносящихъ утѣшеніе!

Но укрѣпитесь прежде пищею приуготовительныхъ наукъ, препояшите чресла Ваши истиною, очистите чувства Ваши и тако исходите со мною на сіе поприще, куда призираетъ самъ Богъ и вся совоздыхающая тварь!

Вопервыхъ, око твое да будетъ чисто, да и все тѣло твое свѣтло будетъ. Уклоняй очи отъ зрѣнія лукаваго и духъ отъ похоти очесъ. Ибо очи твои должны взирать токмо на страждущія лица больныхъ, на положенія ихъ тѣла, на дыханіе, на языкъ, на раны, язвы, сыпи и на гнойныя изверженія. Ибо и во врачеваніи свѣтильникъ тѣлу есть око.

Слухъ твой да будетъ внемлющъ и чувствителенъ не къ буйнымъ козлогласованіямъ, но къ хваленію Господа, къ поученіямъ и бесѣдамъ мудрыхъ. Ухо твое да будетъ чутко и въ полунощи на жесткомъ ложѣ твоемъ и на камени съ книгою въ возглавіе твое, когда воззоветъ тебя на помощь. Нарядъ твой долженъ быть таковъ, что всталъ, то готовъ. Не только въ бодрственномъ состояніи, но и въ самомъ снѣ изнемогшаго тѣла твоего при одрѣ болящаго, ты бодрствуй духомъ; слыши дыханіе его, внимай его требованіямъ, стенанію, кашлю, бреду, икотѣ; и воспряни отъ твоего бодрственнаго сна.

Языкъ твой, сей малый, но дерзкій удъ, обуздай на глаголы неподобныя и на словеса лукавствія. Да будетъ онъ органомъ хваленія Вышнему, во оправданіе словесъ и судебъ Его, во успокоеніе мятущейся души; къ предвкушенію пищи, питія и лѣкарства больныхъ, а не къ лакомству и пресыщенію твоему.

Обоняніе твое да будетъ чувствительно не къ масти благовонной для власъ твоихъ, ни къ аромашамъ, изъ одежды твоей испаряемымъ, кои всѣ противны больнымъ; но къ запертому и зловонному воздуху, окружающему больнаго, къ заразительному его дыханію, поту и всѣмъ его извержениямъ.

Руки твои должны быть чисты и обмовены всячески, т. е. наружно и нравственно; всегда готовы подать помощь каждому; косны принимать воздаянія отъ богатыхъ, сжаты ко мздовоздаянію бѣдныхъ. Ибо будешь имѣть награду отъ Того, Который цѣнитъ и чашу студеныя воды. Осязаніе твое должно быть тонкое и зрячее: прикосновеніемъ перстовъ твоихъ познай волненіе крови, обремененіе мозга, слабость чувствительныхъ жилъ, ознобъ, жаръ, потъ, стояніе гноя и воды въ полостяхъ и проч.

Таковое усовершенствованіе наружныхъ чувствъ приобрѣтается не Профессорскимъ ученіемъ, но собственнымъ упражненіемъ учащихся при постеляхъ больныхъ, и сохраняется райскою добродѣтелію — воздержаніемъ. Сими чувствами дѣлаются всѣ наблюденія надъ больнымъ и внѣ больнаго; а наблюденія суть подпоры для опытности, коею, яко мно-

тоцѣнкымъ бисеромъ, украшается сужденіе практическое — вѣнецъ врача.

Сужденіе практическое (judicium practicum) есть сужденіе вѣрное о предлежащей болѣзни, почерпнутое чувствами изъ наблюденій; руководствуемое наукою; пораждающее средства вѣрныя и прочныя. Оно постигаетъ вещи сокровенныя отъ глаза и отъ прочихъ чувствъ; предрекаетъ исходъ болѣзни; не боится возмущеній природы, когда все окружающее препещетъ отъ ея порывовъ; видитъ змѣю, ползущую подъ травою; предваряетъ нападенія; недовѣряетъ подъ пепломъ кроющейся искрѣ, готовой вспыхнуть и произвесть лютый пожаръ; потушаетъ малѣйшій огнь, раздуваемый легкимъ вѣтромъ; погашаетъ пламя водою, а не масломъ и виномъ.

Дабы приобрѣсть таковое сужденіе практическое и сохранить сіе негиблющее богатство, должно имѣть вниманіе единственно устремленное на болѣзнь и больнаго безъ поспѣшности; должно сообразить всѣ явленія, большія и малыя; должно не только записывать ихъ, но написать въ своемъ мѣстѣ, въ связи, въ порядкѣ; надобно оставить предразсудки юности, позабыть у прага храмины болящаго тонкости болѣе ученыя, нежели умныя, выдуманныя для книжной торговли; слѣдить болѣзнь просто, по ученію Гиппократа, или что все равно, по руководству натуры; облещись терпѣніемъ въ повтореніи тѣхъ же изслѣдованій; благоразумно отличать постороннія явленія отъ существенныхъ; не все принимать за причину, когда случится перемѣна послѣ вещи обыкновенной; не рѣдкихъ явленій, не новыхъ лѣкарствъ искать, но искать точности и пользоваться старыми пособіями, полученными преданіемъ изъ рукъ Вашихъ опытныхъ учителей.

Мнѣ кажется, что Вы изъ сего изложенія довольно ясно видите, Любезные Юноши, что я призываю Васъ къ трудамъ необыкновеннымъ, естьли Вы сами не хотите быть обыкновенными врачами; вызываю Васъ на поприще, гдѣ каждый стремится къ цѣли, но не каждый приемлетъ честь совершенства. Вы же тако тецыте, да постигнете!

Кто не хочетъ идти къ совершенству симъ многотруднымъ путемъ; кто званія сего не хочетъ нести съ прилѣжностію до конца дней своихъ; или кто не призванъ къ оному, но упалъ въ оное препнувшись: тотъ оставь заблаговременно священныя мѣста сіи и возвратись во свояси. Вмѣсто тучныхъ класовъ, ты пожнешь плевелы одни; ибо сѣмя ученія сего падетъ на безплодную ниву, тобою невоздѣланную, нѣдръ коея ни дождь, ни роса не напояли. Вмѣсто хлѣба, тобою искомаго, — глодать будешь кости; ибо врачь посредственный болѣе вреденъ, нежели полезенъ. Больные, оставленные натурѣ выздоровѣютъ, а тобою пользованные умрутъ.

Но ободритесь, Любезные Юноши! положивъ руку на рало, не озирайтесь вспять. Я проведу Вамъ первыя бразды глубокія и прямыя; и нивы, воздѣланныя трудами Вашими, дождемъ раннимъ и позднимъ напоенныя, покроются плавыми класами, и жатва Ваша будетъ многа!

Какъ благоразумный земледѣлецъ, обработывающій ниву свою, смотритъ на три вещи: первое, на почву земли, изслѣдывая ея свойство; второе, на время года, ненастье, вѣтры, на заходящее солнце и на измѣненія луны; третіе, на самыя сѣмена добрыя или худыя, и сообразно тому учреж-

даетъ всѣ предпринимаемыя имъ хлѣбопашескія работы, такъ равно и искусный врачь смотритъ на три вещи: первое, на свойство больнаго; второе, на дѣйствіе причинъ болѣзненныхъ, находящихся въ природѣ; третіе, на самую болѣзнь, и по симъ тремъ отношеніямъ учреждаетъ свои врачебныя дѣйствія.

Пойдемъ со мною, Любезные Юноши, во глубину Врачебныя Науки! Но прежде нежели я приступлю къ изслѣдованію сихъ трехъ отношеній, на коихъ основывается лѣченіе, предварительно скажу Вамъ, что простонародные лѣчебники учатъ лѣчить каждую болѣзнь по ея только имени; что умозрительная о болѣзняхъ наука, Патологія, учитъ отнимать причины болѣзни; что опытная врачебная наука, Терапія, учитъ основательному лѣченію *самой болѣзни*; а врачебное искусство, Практика или Клиника, учитъ лѣчить *собственно самаго больнаго*. По теоріи и по книгамъ почти всѣ болѣзни изцѣляются, а на практикѣ и въ больницахъ много больныхъ умираетъ. Книжное лѣченіе болѣзней легко, а дѣятельное лѣченіе больныхъ трудно. Иное наука, иное искусство; иное знать, иное умѣть.

И такъ въ простотѣ сердца примите важный совѣтъ учителя Вашего, который не имѣетъ другихъ упражненій, кромѣ врачеванія и ученія. Мои печали и радости суть поперемѣнно больные и Вы, Вы и больные. Я намѣренъ сообщить Вамъ новую истину, которой многіе не повѣрятъ, и которую, можетъ быть, немногіе изъ Васъ постигнутъ. Повѣрьтежъ, что врачеваніе не состоитъ ни въ лѣченіи болѣзни, ни въ лѣченіи причинъ. Такъ въ чемъ же оно состоитъ? спросите Вы меня съ удивленіемъ. Я скажу Вамъ кратко и

ясно: врачеваніе состоитъ въ лѣченіи *самаго больнаго*. Вотъ Вамъ вся тайна моего искусства, каково оно ни есть! Вотъ весь плодъ двадцати-пятилѣтнихъ трудовъ моихъ при постеляхъ больныхъ! Вотъ Вамъ вся цѣль сего Клиническаго Института!

Предвижу, что многіе ученые люди возстанутъ противу меня на брань, будутъ старашься изобличить меня какъ бы въ грубой ошибкѣ, и можетъ быть преклонятъ Васъ на свою сторону; но и тогда со смиреніемъ буду говорить имъ, что и они содержатъ истину, но въ неправдѣ. Вамъ же, друзья мои, я еще чаще и громче буду всегда повторять одно и то же, что недолжно лѣчить болѣзни по одному только ея имени; не должно лѣчить и самой болѣзни, для которой часто и названія не находимъ; не должно лѣчить и причинъ болѣзни, которыя часто ни намъ, ни больному, ни окружающимъ его неизвѣстны; ибо давно уже удалились отъ больнаго, или не могутъ быть отъ него устранены; а должно лѣчить самаго больнаго, его составъ, его органы, его силы. Еще повторяю: вотъ Вамъ вся тайна моего лѣченія, которую приношу Вамъ въ даръ, предоставляя Вамъ на произволъ, слѣдовать ли сему моему ученію, или нѣтъ (*).

Но чтобъ не слѣпо слѣдовать сему новому ученію, вникните въ каждое положеніе онаго и убѣдитесь доказательствами, изъ опытовъ почерпнутыми.

Что не должно лѣчить *болѣзни по ея имени:* истина сія давно и вездѣ извѣстна, и при самомъ прагѣ врачебныя науки всѣмъ и каждому преподается. И подлинно, больные

(*) Noli jurare in verba magistri.

весьма часто называютъ свои болѣзни ложными именами, либо легкими, либо страшными. Врачь не долженъ вѣритъ ихъ наименованіямъ, но самъ прежде изслѣдываетъ болѣзнь во всѣхъ ея припадкахъ: тогда даетъ ей классическое имя. Но о семъ и спору нѣтъ.

А что врачеваніе не состоитъ въ лѣченіи *самыя болѣзни*: это такой парадоксъ, который, кажется, самъ въ себѣ заключаетъ явное противорѣчіе. Вы мнѣ скажете: не всѣ ли практическія книги писаны о лѣченіи болѣзней? Не самъ ли я преподаю науку о лѣченіи болѣзней? Не самъ ли я лѣчу болѣзни предъ Вашими глазами? Такъ, соглашаюсь, я учу лѣченію болѣзней по обще принятому образу выраженія; а на дѣлѣ я лѣчу больныхъ. Ибо одна и та же болѣзнь часто показывается въ людяхъ противныхъ сложеній, и сіи больные врачуются противоположными средствами; а одну и ту же болѣзнь, на пр. лихорадку противными средствами врачевать, есть дѣло невозможное и противное здравому разуму. Одна и та же болѣзнь, на пр. ломота, является подъ разными видами, какъ то: въ пескѣ, слизяхъ, наростахъ, и въ разныхъ частяхъ тѣла, т. е. въ почкахъ, въ пузырѣ, въ пищепріемномъ каналѣ, въ конечностяхъ, въ головѣ, въ зубахъ: каждая часть по степени своего благородства требуетъ особаго врачеванія; а части тѣла не суть части болѣзни; и каждый больный, по различію сложенія своего, требуетъ особаго лѣченія, хотя болѣзнь одна и та же. Во всѣхъ воспаленіяхъ можно давать соли, а въ воспаленіи желудка и кишекъ не льзя; ибо вмѣсто слабительнаго дѣйствія, ты усиливаешь рвоту. Слабый пульсъ вездѣ запрещаетъ пускать кровь, а здѣсь повелѣваетъ. Всюду можно положить шпанскія мухи, а на почки не льзя; ибо усилишь ихъ болѣзнь.

Сверхъ того сколько разъ случается, что болѣзни положительно не знаемъ, а больнаго пользуемъ. Часто и съ честію довольствуемся отрицательнымъ опредѣленіемъ болѣзни, то есть: что она не есть ни та, ни другая, ни третія; но кто она такова? не знаемъ, больнаго же пользуемъ.

Естьли и теперь еще мнѣ не вѣрите, то возвратимся къ началу врачебнаго искусства. Гиппократъ лѣчилъ больныхъ, описывалъ ихъ мастерскимъ и неподражаемымъ перомъ; но онъ не опредѣлялъ и не называлъ болѣзней такъ, какъ наша школьная гордость учитъ нынѣ ихъ называть. И что значатъ наши опредѣленія и названія болѣзней? И много ли такихъ знатоковъ? Сколько головъ, столько и умовъ. Но для чести врачебнаго искусства лучше о семъ молчать, нежели говорить въ соблазнъ.

Что не *причины болѣзни* должно лѣчить: это покажется Вамъ такимъ же парадоксомъ, который вовсе противенъ и здравой Философіи и Медицинѣ всѣхъ вѣковъ и народовъ; ибо Вы скажете: отнявши причину, безъ сомнѣнія отнимешь и дѣйствіе. Такъ и въ болѣзняхъ надобно съ корня начать лѣченіе, т. е. съ причинъ; тогда и вѣтви ея или припадки болѣзни сами собою изсохнутъ и пропадутъ. На примѣръ, камень въ пузырѣ: надобно его вынуть, и болѣзнь кончилась. Чтобъ выгнать желчь, стоящую въ предсердечіи (praecordia), надобно дать рвотное, и горячка желчная прошла. Заперлась моча: надобно поставить катетеръ, и болѣзни нѣтъ.

Все сіе Вы говорите разумно и согласно со всѣми учителями врачебнаго искусства. Но я еще повторю Вамъ, что они содержатъ истину въ неправдѣ.

Изслѣдуемъ же сіе дѣло и разберемъ самые примѣры. Совершенную истину говорятъ они, что для познанія болѣзни и для лѣченія оной, надобно узнать причину болѣзни кореннымъ образомъ; но что для уврачеванія болѣзни надобно отнять причину оной, это на дѣлѣ неправда; поелику причина, воздѣйствовавшая на больнаго, иногда сама собою удаляется, а произведеніе ея остается въ тѣлѣ. На примѣръ: послѣ простуды, т. е. остановки испарины, остался ревматизмъ. Чѣмъ больше сію ревматическую матерію больной старается выгонять испариною, тѣмъ болѣзнь сильнѣе свирѣпствуетъ. Заперлась моча, надобно открыть ей ходъ катетеромъ, чтобъ болѣзнь прошла. Вотъ ты поставилъ катетеръ, моча вышла; а болѣзнь продолжается потугами во всей силѣ, хотя пузырь пустъ и животъ не вздутъ. Слѣдовательно и несправедлива въ Медицинѣ та аксіома, что отнявши причину, отнимешь и дѣйствіе.

Иногда причина болѣзни бываетъ неотъемлема, на примѣръ: камни въ печени, или въ почкахъ; иногда же отъемлема, а отнять не льзя. На примѣръ: при нечистотахъ желудка и сильныхъ его болѣхъ можно отнять рвотою причины болѣзней, т. е. слизи и желчь; но рвотнаго дать не льзя, чтобъ не убить больнаго, который полнокровенъ, или имѣетъ грыжу, или слабъ грудью. Во всѣхъ такихъ случаяхъ надобно лѣчить больнаго, смотря на составъ его органовъ и на его силы. Вмѣсто рвотнаго, которое слѣдовало бы дать, Вы даете *противурвотное* (antiemeticum). И такъ когожъ вы лѣчите? Во истинну не болѣзнь, а больнаго. Вы говорите, что камень изъ пузыря надобно вынуть и болѣзнь кончится; но Вы не отважитесь вырѣзывать его ни у слабаго младенца, ни у дряхлаго старца, ни у человѣка, другою какою нибудь

болѣзнію изнуреннаго; или когда камень такъ великъ, что въ разрѣзъ Вашъ не пройдетъ. Слѣдовательно вынимаете ли Вы камень, или такъ оставляете, причины болѣзни не отнимаете, а больнаго пользуете. Ибо, и вырѣзавши камень, причина остается въ тѣлѣ, и часто готовитъ новый камень. Приведемъ другой примѣръ: пуля попала въ грудь и мимоходомъ повредила легкія. Пуля есть причина болѣзни; она сидитъ въ тѣлѣ. Пуля вынута операціей, а болѣзнь осталась. Либо пуля вылетѣла на пролетъ, а болѣзнь также осталась. Самая наружная рана зажила, а слѣдствіе, т. е. внутренняя болѣзнь осталась, усиливается при перемѣнахъ погоды, и больной требуетъ ежегоднаго кровопусканія. Возьмемъ еще примѣръ, и примѣръ такой, которымъ повидимому можно меня побѣдить, и удобнѣе уличить въ ошибкѣ: обѣлся человѣкъ ядовитыхъ грибовъ, или чего нибудь другаго тяжелаго. Бредъ и горячка свирѣпствуютъ. Грибы причина. Надобно дать рвотное, т. е. извергнуть грибы, и болѣзнь изверженіемъ причины кончилась, и здравіе возвратилось. И такъ по Вашему мнѣнію я побѣжденъ!

Побѣжденъ, ежели грибы не произвели воспаленія въ животѣ, и ежели рвотное дано заблаговременно. Но я Васъ спрошу: дадите ли Вы рвотное человѣку полнокровному? Ему сдѣлается ударъ и онъ умретъ отъ рвотнаго, а не отъ грибовъ. Какъ Вы дадите рвотное человѣку съ грыжей? У него сдѣлается ущемленіе, и средство будетъ хуже болѣзни. И такъ не лучше ли дать слабительное, стѣны кишекъ умащать масляными веществами, а съ тѣмъ вмѣстѣ притуплять остроту яда? Изъ сего видите ясно, что *болѣзнь* и *больной* суть два разные предмета; что болѣзнь и органъ страждущій, суть также два разные предмета; что не болѣзнь прини-

маетъ лѣкарство, а больной; что не причину лѣчить должно, она и безъ того сильна; но что лѣчить должно больнаго, который слабъ.

Наконецъ въ послѣдній разъ вопрошаю: кого будете Вы лѣчить, когда причина вовсе неизвѣстна, или когда больной нарочно таитъ оную, что случается весьма часто? И такъ не лучше ли учить и лѣчить одинакимъ образомъ, нежели на словахъ учить лѣченію болѣзней, а на самомъ дѣлѣ лѣчить больнаго?

Не подумайте однакожъ, чтобъ я симъ новымъ ученіемъ отвергалъ изысканіе причинъ и изслѣдываніе самой болѣзни. Нѣтъ! Чтобъ правильно лѣчить больнаго, надобно узнать вопервыхъ самаго больнаго во всѣхъ его отношеніяхъ; потомъ надобно стараться узнавать причины, на тѣло или на душу его воздѣйствовавшія; наконецъ надобно обънять весь кругъ болѣзни: тогда болѣзнь сама скажетъ Вамъ имя свое, откроетъ внутреннее свойство свое, и покажетъ наружный видъ свой.

Симъ образомъ Вы увидите *строеніе* болѣзни (constructio morbi), подобное дому, котораго всѣ части, внутреннія и наружныя, слабыя и твердыя, основаніе и кровля, будутъ Вамъ извѣстны какъ бы по чертежу, и представлены во всѣхъ своихъ разрѣзахъ. А сей домъ болѣзни — есть больной.

Какъ зодчій разсматриваетъ весь домъ, чтобъ прочно починить оный; какъ земледѣлецъ изслѣдываетъ почву земли для благопотребнаго воздѣланія и удобренія: такъ точно и врачь при лѣченіи болѣзни, *первою должностію* поставляетъ разсмотрѣть больнаго и вникнуть во все его существо, для возстановленія его здравія, т. е. для укрѣпленія тѣхъ час-

тей, которыя разслабли; для ослабленія тѣхъ, кои къ своему вреду избыточествуютъ силами; либо для очищенія органовъ и растворенія огустѣвшихъ соковъ.

Предметы сего разсмотрѣнія суть слѣдующіе: полъ, возрастъ, сложеніе, соразмѣрность частей (habitus), родъ жизни, состояніе и ремесло, наслѣдственное расположеніе къ недугамъ, особое свойство и болѣзни предшедшія.

Естьлибъ я хотѣлъ разпространиться въ описаніи многоразличныхъ родовъ больныхъ, по всѣмъ симъ отношеніямъ, Вы ясно бы увидѣли, что сообразно онымъ, и лѣченіе также многоразлично. Но дабы не входить здѣсь въ дальнія подробности, я представлю одни только примѣры, кои сіе ученіе содѣлаютъ для Васъ вразумительнымъ.

Одно лѣченіе прилично мущинамъ, а другое женщинамъ, которыя чувствительнѣе и слабѣе первыхъ. Одно лѣченіе потребно младенцу, другое мужу, третіе старцу; одно дѣвицѣ, другое матери, третіе женщинѣ преклонныхъ лѣтъ. Сложеніе горячее требуетъ прохладительныхъ и ослабляющихъ средствъ; холодное раздражающихъ; сухое питательныхъ, и соотвѣтственной онымъ діэты. Убавленіе питательныхъ соковъ нужно людямъ, имѣющимъ крѣпкія мышцы, прибавленіе же людямъ сухощавымъ и слабымъ. Бѣднымъ покой, добрая пища и средства крѣпительныя; богатымъ трудъ, воздержаніе, средства очищающія. Рабочему кровопусканіе; сидячему горькія средства, способствующія умноженію крови. Болѣзни наслѣдственныя: ломота, песокъ, желчь, почечуй, полнокровіе требуютъ благовременной предосторожности въ людяхъ здоровыхъ, но наклонныхъ къ

симъ болѣзнямъ. Одни не терпятъ ревеню, солей, мяты, ромашки, магнезіи, малины; другіе ими лакомятся. Одни отъ нихъ больше разнемогаются, другіе выздоравливаютъ. Одни больны отъ тѣлесныхъ причинъ, другіе отъ душевныхъ возмущеній. Больные притворяются здоровыми, здоровые больными. Болѣзни юности и грѣхи невѣденія открываются въ мужествѣ; труды, подъятые въ мужествѣ, отзываются въ старости.

Изъ сихъ противуположностей уразумѣть можно, почему одна и та же болѣзнь требуетъ различнаго лѣченія, и различныя болѣзни, въ подобномъ сложеніи, требуютъ одинакаго лѣченія. На примѣръ: горячка воспалительная и горячка нервная, совершенно различныя въ своихъ качествахъ, требуютъ въ полнокровномъ и горячемъ сложеніи, одинакихъ прохладительныхъ средствъ, наипаче въ первомъ поприщѣ болѣзни. Горячка и лихорадка въ людяхъ желчныхъ требуютъ одинакихъ чистительныхъ средствъ. Рвотное имъ прилично, когда ихъ сложеніе среднее; противурвотное же средство людямъ слишкомъ крѣпкаго, или слишкомъ слабаго сложенія.

Сообразно симъ правиламъ, мы безопасно поступать будемъ, когда станемъ лѣчить больнаго, а не болѣзнь, коей иногда поблажать принуждены бываемъ для того, чтобъ поддержать силы больнаго. Изъ уваженія къ врачебному искусству я умолчу здѣсь, что самая болѣзнь бываетъ иногда такъ запутана, что трудно ее опредѣлить, не возможно назвать, а смотря на больнаго лѣчить удобно.

Вторая должность врача есть вникнуть въ причины болѣзней и искать ихъ внѣ больнаго. Щастливъ тотъ, кто нашелъ корень болѣзни! Щастливъ тотъ, кто приобрѣлъ

навыкъ познавать истинныя причины вещей! Но сіи воскликновенія суетны; ибо въ глубокихъ кладезяхъ, или на стремнистыхъ высотахъ часто сокрываются вины болѣзней нашихъ отъ мысленныхъ очей врача. Сколь ни трудно, а искать ихъ должно потому, что онѣ воздѣйствовали на тѣло здоровое и сдѣлали его больнымъ. Сколь ни трудно, но должно изслѣдовать ихъ число, мѣру и вѣсъ, дабы взвѣсить, измѣрить и вычислить перемѣну, произведенную въ тѣлѣ больнаго.

Сіи причины болѣзней суть естественны всякому человѣку; но въ наукѣ нашей называются не естественными, можетъ быть по тому, что люди, водимые страстьми и похотьми, искажаютъ и самый чинъ естества, какъ то: гладомъ и обѣденіемъ, пьянствомъ и лѣностію, не трудами рукъ, но работою ногъ, то есть неподобною пляскою; дневнымъ сномъ, полунощными пиршествами, напряженіемъ ума, легкимъ одѣяніемъ зимою, зноемъ полудня, хладомъ полунощи и душевными возмущеніями: — гнѣвомъ и злобою, завистію и честолюбіемъ, роскошью либо скупостью, ревностью или отчаяніемъ и всякими печальми житейскими, въ мрачной житія нашего нощи попеременно преходящими. Поднебесныя вліянія, солнцестоянія, измѣненія луны, испаренія на сушѣ и на водахъ, нападенія повальныхъ болѣзней, времена года и непогоды, заразы, оспа, любострастіе — конца не будетъ, ежели говорить о всѣхъ болѣзнетворныхъ причинахъ, дѣйствующихъ на бренную плоть нашу. И кто изъ насъ въ состояніи проницать сокровенныя качества творящей и творимой природы, извѣстныя единому Творцу? Еще разъ и громко повторю: сколь ни трудно, однако же должно врачу, по крайней мѣрѣ, стремиться къ изысканію при-

чины болѣзни у постели больнаго; и хотя бы больной, по невѣденію истинной причины своей болѣзни, говорилъ, что занемогъ съ вѣтру, съ глазу, съ призору, съ порчи, съ переполоху; надобно заставить и больнаго и предстоящихъ искать дѣйствительной причины болѣзни и въ тѣлѣ и внѣ тѣла. Но пойдемъ далѣе.

Третія должность врача есть познаніе самой болѣзни. Какъ отъ плодовъ познается древо, такъ изъ существенныхъ припадковъ познается болѣзнь.

Каждая болѣзнь, какъ нѣкое существо живое, имѣетъ свою особенную породу и видъ, говоритъ о себѣ въ перемѣнахъ, показываетъ себя въ поприщахъ, являетъ силу свою въ возмущеніяхъ.

Врачь чѣмъ чаще ее видитъ, чѣмъ продолжительнѣе съ нею бесѣдуетъ, чѣмъ внимательнѣе смотритъ на ея мановенія, иногда поблажая ея своевольству, а въ другую пору укрощая свирѣпство ея браздами и ранами: тѣмъ короче познакомится съ сею враждебною гостьею, занимающею домъ больнаго, которая ежели усилится, то выживетъ изъ дому самаго хозяина.

Чтобъ узнать болѣзнь подробно, нужно врачу допроситъ больнаго: когда болѣзнь его посѣтила въ первый разъ; въ какихъ частяхъ тѣла показала первыя ему утѣсненія; вдругъ ли напала какъ сильный непріятель, или приходила, яко тать въ нощи? Гдѣ первѣе показала свое насиліе: въ крови ли, въ пасокѣ, въ чувственныхъ жилахъ, въ орудіяхъ пищеваренія, или въ оболочкахъ, одѣвающихъ тѣло сна-

ружи и снутри? и проч. Какія съ того времени ежедневныя происходили перемѣны, и какія употреблены врачеванія, съ пользою или со вредомъ?

Наконецъ должно изслѣдовать настоящее положеніе болѣзни въ больномъ; искать, гдѣ она избрала себѣ ложе: и для сего нужно врачу пробѣжать всѣ части тѣла больнаго, начиная съ головы до ногъ, а именно: первѣе всего надобно уловить наружный видъ больнаго и положеніе его тѣла; а потомъ изслѣдовать дѣйствія душевныя, зависящія отъ мозга: состояніе ума, тоску, сонъ; вглядѣться въ лице его, глаза, лобъ, щеки, ротъ и носъ, на коихъ часто какъ на картинѣ печатлѣется и даже живописуется образъ болѣзни. Надобно смотрѣть и осязать языкъ, какъ вывѣску желудка; спросить о позывѣ къ пищѣ и питію, и къ какимъ именно; внимать звуку голоса и силѣ отвѣтовъ; видѣть и слышать дыханіе груди его и вычислить соразмѣрность біенія сердца и жилъ съ дыханіемъ; примѣниться къ разному звуку кашля груднаго, желудочнаго, простуднаго, воспалительнаго; надобно умѣть осязать животъ, всѣ его внутренности и сопредѣльныя ему части; изслѣдовать состояніе рукъ и ногъ, ихъ силу и крѣпость, худобу и полноту, и по онымъ судить о силахъ жизненныхъ; обратить вниманіе на кожу, сухость ея и влажность, теплоту и холодъ, цвѣтъ и сыпи; видѣть и изслѣдовать всѣ изверженія, кровь, мокроты, желчь и проч. Изъ всѣхъ явленій, коихъ сотую только долю показалъ я здѣсь, и кои ты увидишь, услышишь и осяжешь при постелѣ больнаго, изъ всѣхъ сихъ явленій, говорю я, долженъ ты помощію разума извлекать заключеніе о вещахъ сокровенныхъ, коихъ наружныя чувства не постигаютъ;

постигаетъ же чувство внутреннее, т. е. разумъ, просвѣщенный наукою и опытностію.

Теперь ты испыталъ болѣзнь и знаешь больнаго; но вѣдай, что и больной тебя испыталъ и знаетъ, каковъ ты. Изъ сего ты заключить можешь, какое нужно терпѣніе, благоразуміе и напряженіе ума при постелѣ больнаго, дабы выиграть всю его довѣренность и любовь къ себѣ; а сіе для врача всего важнѣе.

Окончивъ такимъ образомъ строгое испытаніе больнаго, болѣзненныхъ причинъ и самыя болѣзни, не льзя всего сказаннаго ввѣрить одной своей памяти; и не довольно того, чтобъ только записать все, но все должно записать на своихъ мѣстахъ, дабы въ описаніи твоемъ, какъ на нѣкоемъ чертежѣ, однимъ взглядомъ по слѣдамъ опустошеній можно было видѣть завоеваніе, сдѣланное болѣзнію.

По сему плану, тобою начертанному, ты будешь судить о внутреннемъ свойствѣ болѣзни, о наружномъ ея видѣ, о ея ходѣ, быстротѣ или медленности, о силѣ и нападеніяхъ ея; узнаешь, какую съ нею вести войну, наступательную или оборонительную, т. е. положительно, или отрицательно, или медленно, и выжидая дѣйствовать должно. А по сему будешь либо укрѣплять слабую сторону больнаго, либо истреблять его запасы жизненные, кои, попавшись въ руки сему непріятелю, могутъ обратиться на погибель больнаго. Зная время нападенія и ожесточенія, будешь въ готовности противъ оныхъ, и медленностію (Medicina expectans) научишься выжидать благопріятнаго случая, рѣшительно сразиться съ болѣзнію.

Кому еще уподоблю больнаго? Больнаго можно уподобить кораблю, болѣзнію, яко волнами моря несомому. Врачь есть кормчій; магнитная стрѣла, обращающаяся къ полярной звѣздѣ, есть натура болѣзни, перемѣняющаяся отъ поворотовъ; вѣтры суть видъ ея; мѣстопребываніе корабля — поприще болѣзни; грузъ его есть ея тяжесть; мачты — жизненныя силы; верви — нервы; якорь — надежда; подводные камни — опасности; парусы — лѣченіе; выздоровленіе — желанное пристанище; кораблекрушеніе — смерть; а морская карта — есть сокращенная наука познанія и опредѣленія болѣзни, о чемъ теперь говорю. Кто на морѣ не былъ, тотъ съ усердіемъ Богу не молился. Во всю жизнь мою волнуюсь въ семъ житейскомъ морѣ, болѣзньми воздвизаемомъ, претерпѣвъ многія опасности и кораблекрушенія вмѣстѣ съ больными, я довершу сію картину достопамятнымъ наставленіемъ благочестиваго Гиппократа: „Врачи многое предріемлютъ, но паче пре„возмогаетъ Богъ; ибо врачи власти Божіей уступаютъ; а по се„му наука наша съ благоговѣніемъ должна обращаться къ Богу.“

Сія наука познанія и опредѣленія болѣзней представляетъ намъ четыре натуры болѣзней острыхъ и восемь продолжительныхъ, и того двѣнадцать (*), которыя всѣ познаются изъ существенныхъ и постоянныхъ болѣзненныхъ припадковъ.

Какъ магнитная стрѣлка, всегда обращающаяся къ сѣверу, при поворотѣ компаснаго круга показываетъ на

(*) Острыя натуры суть: воспалительная, простудная, желудочная и нервная. Продолжительныя суть: слабая, судорожная, ломотная, цынготная, золотушная, любострастная, зашвердѣлая, и общая многимъ, періодическая.

ономъ разныя страны, и тѣмъ означаетъ уклоненіе корабля отъ сѣвернаго направленія: такъ и натура болѣзни измѣняется при прехожденіи оной въ другое поприще, при перемѣнѣ силы ея и вида. Совокупленіе разныхъ болѣзненныхъ припадковъ и сложность самыхъ болѣзней въ больномъ, составляетъ всю трудность для врача, желающаго найти главную натуру болѣзни; ибо на познаніи оной единственно основывается щастливое лѣченіе. Изъ соединенія каждой таковой болѣзненной натуры съ припадками случайными и посторонними, происходятъ виды болѣзней и ихъ наименованія, кои всѣ изчисляются въ раздѣленіи ихъ на классы, порядки, роды и виды (species). Сихъ видовъ безчисленное множество: знаніе ихъ украшаетъ врача; а новыя, нелѣпыя, многоученыя и безполезныя наименованія дѣлаютъ его смѣшнымъ. Лѣченіе же всѣхъ ихъ совершается просто по числу двѣнадцати оныхъ первоначальныхъ свойствъ болѣзней, о коихъ выше говорено, и коихъ основаніе находится не внѣ больнаго, но въ немъ самомъ.

Многаго труда стоитъ узнать болѣзнь въ ея натурѣ и видѣ, а познавши лѣчить оную — малаго, только слѣдуй мановеніямъ натуры болѣзненной.

Многаго труда стоитъ по наукѣ Гиппократовой, какъ по нѣкоторой Кабалистикѣ, вычислить поприще болѣзни, въ которомъ она находится, и предсказать день ея окончанія — не малаго.

Многаго труда стоитъ измѣрить болѣзнь въ ея величинѣ, взвѣсить въ ея тяжести; а назначить ея изходъ въ жизнь, смерть или другую болѣзнь — малаго.

Смерть у больнаго всегда за плечами, а здравіе возвращается въ извѣстные только дни. Болѣзнь мѣстная, занимающая какой нибудь органъ, переходитъ въ другую болѣзнь.

Не довольно познать и опредѣлить болѣзнь при первомъ испытаніи больнаго: надобно повторять сіи испытанія ежедневно, дабы видѣть ея исхожденіе изъ одного, и вхожденіе въ другое поприще и въ другую натуру, съ которыми и самое лѣченіе перемѣнять должно.

И такъ, когда по строгомъ испытаніи больнаго узналъ ты всѣ существенные и случайные его припадки и записалъ оные при постелѣ его въ надлежащемъ порядкѣ; ибо порядокъ есть ключь всѣхъ вещей; когда изъ сего троякаго порядка явленій болѣзни, причинъ и свойства больнаго, достигъ ты до оной значительной четверицы, т. е. нашелъ натуру болѣзни, опредѣлилъ форму, назначилъ поприще и взвѣсилъ ея тяжесть; словомъ, когда ты узналъ болѣзнь во всемъ ея кругѣ: тогда лѣченіе больнаго само собою слѣдуетъ, какъ изъ трижды четырехъ слѣдуетъ двѣнадцать, или какъ изъ логическихъ посылокъ слѣдуетъ заключеніе.

Теперь войдемъ въ показанія самаго врачеванія и взглянемъ на разные пути лѣченія, коими благоразумный врачь ведетъ своихъ больныхъ по различію самыхъ болѣзней. Мы видимъ четыре рода болѣзней: однѣ излѣчимы, другія неизлѣчимы; однѣ полезны для поддержанія общаго здравія, другія угрожаютъ здравію и жизни; а потому и самыя показанія къ врачеванію ихъ суть четверообразны, а именно:

1. Совершенное изцѣленіе болѣзни излѣчимой.

2. Облегченіе болѣзни неизлѣчимой и продолженіе жизни больнаго.

3. Поддержаніе болѣзни безвредной, служащей истокомъ для вредной матеріи изъ тѣла.

4. Предвареніе угрожающей болѣзни, или сохраненіе здравія въ его цѣлости.

Прежде, нежели приступишь къ лѣченію, опредѣли болѣзнь; тогда ты изберешь одну изъ сихъ правильную дорогу, по которой больному идти должно подъ твоимъ наблюдательнымъ присмотромъ.

Узнать и опредѣлить болѣзнь неизлѣчимую столь же славно для врача, какъ и болѣзнь излѣчимую изцѣлить.

Обѣщать изцѣленіе въ болѣзни неизлѣчимой, есть знакъ или незнающаго, или безчестнаго врача.

Вылѣчить болѣзнь безвредную, на примѣръ: раны у стариковъ, потѣніе ногъ, давнія сыпи, отрѣзать волосы въ колтуны свившіеся, и тому подобное, есть ускорить смерть больнаго.

Каждую болѣзнь излѣчимую, для своей чести и прибыли, называть опасною и смертельною, нечестно и невыгодно; ибо видя твое незнаніе, возьмутъ другаго врача.

Взять на свои руки людей здоровыхъ, предохранять ихъ отъ болѣзней наслѣдственныхъ, или угрожающихъ, пред-

писывать имѣ надлежащій образѣ жизни, есть честно и для врача покойно. — Ибо легче предохранять отѣ болѣзней, нежели ихѣ лѣчить. И вѣ семѣ состоитѣ первая его обязанность.

Вѣ лѣченіи болѣзней, требующихѣ сильнаго дѣйствія на тѣло посредствомѣ лѣкарствѣ, надобно всегда обращать вниманіе на являющіяся вѣ больномѣ противопоказанія, дабы такое рѣшительное средство не сдѣлало болѣе вреда больному, чѣмѣ самая болѣзнь.

Врачь, при лѣченіи больнаго, долженѣ сообразоваться сѣ его силами и сѣ мановеніемѣ натуры, которая всегда готовитѣ пути извергнуть переработанную матерію вѣ опредѣленный день, что и составляетѣ щастливый переломѣ болѣзни.

Чтобѣ дождаться желаннаго дня выздоровленія, надобно, по слову Гиппократа, не токмо самому врачу дѣлать надлежащее, но и больнаго, и предстоящихѣ, и всѣ вещи наружныя привести вѣ содѣйствіе противѣ болѣзни. *Гиппокр. I. Афор.* Смыслѣ словѣ сихѣ есть слѣдующій: нужно, чтобѣ не только самѣ врачь показалѣ себя дѣятельнымѣ и прочнымѣ помощникомѣ больному, но потребно также расположить самаго больнаго кѣ попеченію о самомѣ себѣ; внушить предстоящимѣ, чтобѣ содержали вѣ исправности все нужное для помощи больному, какѣ то: пищу, питіе, услугу и всѣ вещи его окружающія, то есть: воздухѣ, комнату, постель, бѣлье, одежду; словомѣ: все привести вѣ согласное дѣйствіе противоборствовать болѣзни.

И потому врачь при постели больнаго о трехъ предметахъ даетъ наставленіе, а именно: о внутреннихъ лѣкарствахъ, о наружныхъ средствахъ и о содержаніи больнаго, или діэтѣ.

Теперь предложу Вамъ въ примѣръ и подражаніе собственной мой способъ, прописывать лѣкарства внутреннія и наружныя; способъ, коему съ пользою слѣдуютъ уже нѣкоторые изъ моихъ учениковъ.

Когда я, въ своихъ запискахъ городской практики, написалъ при постели больнаго исторію болѣзни; когда опредѣлилъ ея натуру, видъ, поприще и величину: тогда на томъ же листочкѣ пишу лѣкарства, которыя слѣдуетъ употребить. Тогда, при свѣтломъ и свѣжемъ обозрѣніи больнаго, представляется мнѣ весь будущій ходъ болѣзни и весь планъ лѣченія такъ, что подъ перо мое текутъ многія, и даже на первый случай, излишнія лѣкарства. Изъ сихъ выбираю по большей части слабѣйшія, а при опасности иногда и самыя сильныя, но всегда простыя и обыкновенныя, и изъ нихъ оставляю рецептъ вчернѣ; потомъ назначаю наружныя средства, а въ помощь имъ и діэту. Мнѣ легко видно по написанному, сообразны ли между собою сіи троякія предписанія, и одна вещь не противна ли другой. Такимъ образомъ, сообразивши все, начинаю переписывать черный рецептъ съ сего листочка набѣло; тутъ приходятъ мнѣ на мысль разныя поправки, коими я пользуюсь, выправляя черный рецептъ, который и оставляю у себя. Симъ способомъ избѣгаю я ошибокъ и поправокъ въ чистомъ рецептѣ. Симъ способомъ сохраняю я исторіи болѣзней всѣхъ моихъ больныхъ и ихъ лѣченія. Изъ сихъ листочковъ, въ теченіи

времени, составились цѣлыя книги, которыя для меня дороже всего. Занемогаетъ ли вновь кто изъ моихъ больныхъ? Я по симъ листочкамъ привожу себѣ на память весь ходъ прежнихъ его болѣзней. Что было за десять лѣтъ, то вижу какъ бывшее вчера. Натуру больнаго и всѣ его особенности (idiosyncrasiae) я вижу и знаю безъ вторичнаго его испытанія.

Сверхъ сего замѣтьте, что больной дѣлается крайнѣ сомнительнымъ къ искуству нашему; ежели врачь будетъ долго сидѣть надъ чистымъ рецептомъ, станетъ его перемарывать, либо рвать старый и писать новый. Повѣрьте, что рецептъ должно не писать, а переписать готовый, однимъ разомъ и четкимъ почеркомъ, а наипаче при опасности больнаго и при возчувствованіи возмущенія въ своемъ духѣ; перечитать оный два раза внимательно, положить на столъ, протолковать больному и предстоящимъ образъ употребленія предписаннаго лѣкарства, и сказать вкусъ, цвѣтъ, запахъ и дѣйствіе онаго. Тогда больной будетъ принимать его съ восхищеніемъ; а сіе восхищеніе, радость и увѣренность бываютъ иногда полезнѣе самаго лѣкарства. Больной щитаетъ часы и минуты, ожидаетъ дѣйствія отъ лѣкарства и думаетъ болѣе о выздоровленіи, нежели о болѣзни.

О естьли бы Вы, Любезные Юноши, при лѣченіи болѣзней, сами обращались и больныхъ обращали къ Богу! О естьли бы Вы научились прописывать лѣкарства съ молитвою, которая Васъ успокоитъ при возмущеніи духа; естьли бы Вы научили больныхъ Вашихъ принимать лѣкарства съ молитвою, которая ободритъ и укрѣпитъ ихъ; естьлибъ научили и аптекарей составлять оныя съ молитвою, которая

сдѣлаетъ ихъ внимательными! Какія цѣлебныя силы ниспустились и водворились бы тогда въ лѣкарства Ваши! Какое благословеніе призвали бы Вы свыше на лѣченіе Ваше! О естьли бы хотя десятый изъ Васъ внялъ моему совѣту! — Сей былъ бы тотъ Самарянинъ, который, оставя девять неблагодарныхъ, возвратился дать славу Богу за изцѣленіе себя отъ проказы душевныя. Сей былъ бы такой же Самарянинъ, какъ тотъ, коего масло и вино были столь цѣлебны избитому разбойниками, и столь же благоугодны Врачу душъ и тѣлесъ.

Дабы сообразныя дѣлать предписанія, я кратко и ясно покажу Вамъ здѣсь весь кругъ врачеванія внутренними лѣкарствами. Сіе полезное ученіе сохраните навсегда въ памяти Вашей, и вѣдайте, что діэта и наружныя средства должны быть сходны съ внутренними.

Какъ всѣ болѣзни суть либо общія всему тѣлу, или одной какой-либо части свойственныя; такъ и лѣкарства суть либо общія, либо мѣстныя.

Общія лѣкарства дѣйствуютъ на все тѣло, на всѣ силы, на всѣ органы; мѣстныя или особенныя дѣйствуютъ на одну какую нибудь часть тѣла преимущественно, на пр. на голову, глаза, носъ, железы слюнныя, на грудь, на животъ, печень, почки, на кожу и пр.

Общія лѣкарства либо укрѣпляютъ, либо ослабляютъ всю систему тѣла, либо разводятъ. Отсюда происходитъ троякій способъ врачеванія: положительный, отрицательный и разводящій. Въ положительномъ способѣ два рода лѣкарствъ: однѣ возбуждающія и летучія, кои должно давать

больнымъ слабымъ нервами, по немногу и чаще, на пр. чрезъ часъ по ложкѣ; другія крѣпительныя, не летучія, но постоянныя, большею частію горькія, кои должно давать больнымъ истощеннымъ, и выздоравливающимъ въ бо́льшихъ пріемахъ и рѣже, на пр. четыре раза въ день по двѣ ложки.

Отрицательный, или ослабляющій способъ лѣченія предписывается больнымъ, кои крѣпкаго сложенія, полнокровны и имѣютъ болѣзни, отъ излишества происходящія. Все врачеваніе, говоритъ Гиппократъ, есть либо сложеніе, либо вычитаніе, т. е. убавленіе излишняго, или прибавленіе недостающаго. Полнотѣ прилично отощаніе, отощанію наполненіе; трудамъ покой, покою трудъ. Кто умѣетъ сіе дѣлать, тотъ самый лучшій врачь.

Разводящій способъ лѣченія употребляется въ затвердѣніяхъ внутреннихъ органовъ, и въ болѣзняхъ сосудовъ всасывающихъ.

И такъ въ болѣзняхъ общихъ врачь сими тремя способами дѣйствуетъ на весь тѣлесный составъ. Въ болѣзняхъ же мѣстныхъ употребляетъ такія лѣкарства, кои преимущественно дѣйствуютъ на одинъ органъ. На примѣръ, есть лѣкарства усыпляющія или веселящія: онѣ называются головными, и дѣйствуютъ на мозгъ и нервы. Есть лѣкарства грудныя, дѣйствующія на лёгкія; есть лѣкарства первыхъ путей, кои дѣйствуютъ на желудокъ и прочія внутренности; есть лѣкарства вторыхъ путей, дѣйствующія на печень, почки, кожу и проч.

Взявъ въ помощь къ симъ наружныя средства, пищу и питіе, сходныя съ оными по своимъ силамъ, врачь дѣйст-

вуетъ ими, какъ нѣкоторыми орудіями, и производитъ въ тѣлѣ внутреннія операціи или перемѣны, кои благотворное дѣйствіе свое разпространяютъ либо на всѣ тѣлесныя силы, либо на одинъ какой нибудь органъ особенно, либо совокупно. Симъ образомъ, слѣдуя мановенію природы, повелѣвающей и врачующей, врачь, рабъ природы и слуга больнаго, дѣлается наконецъ повелителемъ болѣзни; когда то бываетъ угодно Правителю судебъ человѣческихъ, единственною волею Коего живемъ, движемся и есмы.

Но возвратимся ко второму предмету, то есть, къ наружнымъ средствамъ, кои потребно истолковать и больному и предстоящимъ. На прим. пустить кровь: откуда, сколько, когда и для чего? Поставить горчичники, хрѣновнини, шпанскія мухи: гдѣ, какимъ образомъ и до какого дѣйствія? Тренія, бани, ванны простыя или лѣкарственныя, обмовенія лица, рукъ, ногъ, всего тѣла, водою, уксусомъ, виномъ простымъ или виноградным: долго ли, съ какими предосторожностями противъ простуды и чьими руками дѣлать?

Для большихъ и малыхъ операцій объ руки твои должны быть правыми (ambidexter *); онѣ будутъ вѣрны, ежели голова всегда трезва и желудокъ будетъ тощъ.

Третій предметъ для объясненія больному есть діэта, то есть: избранная пища, полезное питіе, чистый воздухъ, движеніе или покой съ умѣренностію, сонъ или бдѣніе въ свое время; чистота постели, жесткость ея или мягкость,

(*) Сей навыкъ приобрѣтается упражненіемъ лѣвой руки въ приготовленіи мышицъ.

сѣно, солома; грива, перья или пухъ; простыни, одѣяла, подушки, ихъ перемѣна и проч. Все должно быть сообразно съ внутренними лѣкарствами и наружными средствами. Въ сихъ вещахъ должно иногда поблажать больному, помня ученіе Гиппократово, что пища и питіе не такъ здоровыя, но пріятныя полезнѣе больному, нежели здоровыя, но противныя. Надобно позволить больному всѣ его привычки, ежели онѣ не вредны, обмовенія, чищенье рта, чесаніе головы, холодную воду, чай, кофе и проч.; ибо привычка есть вторая натура, а натуры перемѣнять не должно.

Главнѣйшее же наставленіе состоитъ въ удаленіи больнаго отъ заботъ домашнихъ и печалей житейскихъ, кои сами по себѣ суть болѣзни. Зная взаимныя другъ на друга дѣйствія души и тѣла, долгомъ почитаю замѣтить, что есть и душевныя лѣкарства, которыя врачуютъ тѣло. Онѣ почерпаются изъ Науки мудрости, чаще изъ Психологіи. Симъ искуствомъ печальнаго утѣшишь, сердитаго умягчишь, нетерпѣливаго успокоишь, бѣшенаго остановишь, дерзкаго испугаешь, робкаго сдѣлаешь смѣлымъ, скрытнаго откровеннымъ, отчаяннаго благонадежнымъ. Симъ искуствомъ сообщается больнымъ та твердость духа, которая побѣждаетъ тѣлесныя боли, тоску, метаніе, и которая самыя болѣзни, на примѣръ нервическія, иногда покоряетъ волѣ больнаго.

Тако бывъ вся всѣмъ — ты достигнешь, можетъ быть, и до той премудрости, что не будешь здравія полагать въ однѣхъ только аптекарскихъ стклянкахъ. Твоя аптека будетъ вся природа на службу тебѣ и твоимъ больнымъ.

Теперь ты совершилъ всѣ обязанности свои у постели больнаго, т. е. все распросилъ и узналъ болѣзнь, узналъ

натуру болѣзни и больнаго, предписалъ лѣкарство и содержаніе больному; теперь ты съ желаніемъ выздоровленія вѣжливо прощаешься съ нимъ и съ предстоящими. Но будь еще готовъ отвѣчать на самые трудные вопросы, съ коими тебя ожидаютъ родные его въ другой комнатѣ, на вопросы: о исходѣ болѣзни, о близкой опасности, или о предстоящей смерти.

Сіе предвѣденіе о болѣзни полезно для врача, нужно для больнаго, а для домашнихъ необходимо.

Оно полезно врачу, для удовлетворенія собственному своему благородному любопытству, дабы онъ чрезъ изчисленіе дней болѣзни и чрезъ сравненіе настоящихъ явленій съ прошедшими ежедневно поучался, какъ и когда предугадывать будущія перемѣны, и предузнавать исходъ болѣзни въ здравіе, въ смерть, или въ другую болѣзнь. Ежедневно упражняясь въ семъ предвѣденіи, онъ будетъ самъ себя судить, справедливо ли онъ понялъ болѣзнь, довольно ли сильно дѣйствовалъ противъ оной, надлежащимъ ли путемъ, и правильно ли его вычисленіе?

Сіе прдвѣденіе о исходѣ болѣзни нужно для больнаго, дабы врачь могъ либо успокоить напрасно мятущійся духъ его, либо хитро поколебать безвременное его спокойствіе, и уменьшить, но не совсѣмъ отнять ложную надежду на дѣйствіе натуры и содѣйствіе искусства; дабы ввести больнаго въ самого себя, заставить подумать о спасеніи души своей, объ устроеніи родныхъ и домашнихъ, чтобъ вѣчная память его не осталась съменемъ вѣчнаго раздора и тяжбъ для наслѣдниковъ, а для врача вѣчнымъ упрекомъ въ невѣжествѣ.

Государственная БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. Ленина

Сіе предвѣденіе и предсказаніе необходимо для родныхъ и домашнихъ, дабы при надеждѣ врача, они напрасно не сокрушались, и не пугали больнаго слезящимися очами и помраченными лицами; дабы при предстоящей опасности, исподоволь готовялись покориться власти Божіей, и думали о будущемъ своемъ жребіи. Таковое предсказаніе заставляетъ родныхъ дѣлать врачебные совѣты; спасаетъ врача отъ семейственныхъ упрековъ, и украшаетъ его достойнымъ именемъ врача прозорливаго, но не пророка, хотя онъ и прорекаетъ будущее.

Во врачебномъ искусствѣ нѣтъ ничего труднѣе сей науки предвѣденія; а самое предсказаніе требуетъ такой тонкости, осторожности, благоразумія и мудрости, каковыхъ я словами изобразить не могу. Молчать при опасности — не должно; объявить — страшно для родныхъ, а для врача опасно. Ибо, знайте! молитвою больнаго, домашнихъ и врача самый естества чинъ и уставы побѣждаются. Помните Езекію *).

Кто хочетъ успѣть въ сей наукѣ предвѣденія, коея нѣтъ труднѣе, полезнѣе и славнѣе для врача, тотъ имѣетъ для сего два средства: первое, изученіе Симеотики или Науки о знакахъ, о дняхъ хорошихъ и дурныхъ, о числѣ клиническомъ, о переломахъ и проч. **). Второе, есть ежедневное наблюденіе перемѣнъ при постелѣ больнаго. Сіе простое замѣчаніе безъ всякой науки содѣлало Священнослужителей,

*) Царствъ IV. гл. XX. ст. 1 — 12.

**) Таковыя таблицы, украшающія нашу Аудиторію, сдѣланныя мною по руководству сл. Грунера, заключаютъ въ себѣ всѣ припадки и знаки, каковыя только могли быть замѣчены въ больныхъ отъ начала Медицины Гиппократовой до нашихъ временъ.

матерей, нянекъ, сидѣлокъ и сторожей больничныхъ провѣщателями жизни и смерти. Умный врачь, т. е. всегда чувствующій малость своихъ познаній и опытовъ, никогда замѣчаній ихъ не презритъ, но паче воспользуется ими. Одинъ только Гиппократъ соединилъ въ себѣ сію науку и опытность, относительно предсказаній.

Зная, сколь труденъ и скользокъ путь къ сему искусству, я совѣтую Вамъ, Любезные Юноши, сперва слегка заниматься предвѣденіемъ; предвидѣть совѣтую, а гласно предсказывать запрещаю; ибо времена и лѣта Господь положилъ во Своей власти.

Но почто робѣю я, говоря о семъ искусствѣ, какъ будто бы можно было сію священную вещь употребить во зло? Нѣтъ! Святыя вещи даются людямъ святымъ *). Душа злохудожная найдетъ густые туманы въ семъ прозрѣніи, и вмѣсто луча славы, узритъ предъ собою ѣдкій дымъ безславія, который по неволѣ смѣжитъ ея очи.

И выше говорено было, и здѣсь въ своемъ мѣстѣ надобно повторить, что вовсе невозможно одной памяти ввѣрять хода болѣзни, въ разныхъ ея поприщахъ и дняхъ, лѣченія оной и предвѣденія объ ея исходѣ.

Надобно написать все, написать въ порядкѣ, писать ежедневно, и ежедневно повѣрять ходъ болѣзни съ лѣченіемъ, а лѣченіе съ предвѣденіемъ. Сіе-то и составляетъ исторію болѣзни, или клиническую записку каждаго больнаго.

---

*) Sacra sacris communicantur. *Hipp.*

Не нахожу достаточныхъ словъ, не нахожу довольнаго краснорѣчія къ выраженію всей пользы, происходящей отъ сего легкаго и ежедневнаго при постелѣ больныхъ упражненія, въ коемъ одномъ состоитъ все щастіе врача, и все его преспѣяніе во врачебномъ искусствѣ. По клинической запискѣ, безъ всякаго труда, увидишь правильность твоего лѣченія. По ней, какъ по показателю, видишь равновѣсіе между лѣченіемъ и болѣзнію, между силою лѣкарства и силами больнаго. Чего было много вчера, того убавишь сего дня; чего мало, того прибавишь безъ всякаго опасенія и вреда. По ней число клиническое, то есть, день болѣзни не будетъ подлежать никакому сомнѣнію. По ней будешь ожидать дня перелома и дней выздоровленія, либо опасности.

Въ сей клинической книгѣ найдешь сего дня все то, что было съ больнымъ вчера; въ семъ архивѣ будешь читать какъ случившееся вчера, то, что было съ больнымъ за недѣлю, за мѣсяцъ, за годъ и за десять лѣтъ. Какъ въ зеркалѣ увидишь всѣ прошедшія болѣзни, всѣ причины оныхъ, всю натуру больнаго, всѣ его особенности; все, что онъ любитъ, и чего отвращается; все, что было ему полезно, и что вредно.

Къ симъ занятіямъ я долженъ заблаговременно приучать Васъ, Любезные Юноши, чтобъ Вы содѣлались учениками Гиппократа. Что принесло несказанную пользу мнѣ, то принесетъ таковую же и Вамъ. Не въ похвалу себѣ (отъ коей, кромѣ вреда, пользы нѣтъ), но для подражанія Вашего, я не обинуяся скажу Вамъ, что я кромѣ больничныхъ клиническихъ книгъ, писанныхъ моими учениками, имѣю исторіи болѣзней всѣхъ моихъ больныхъ. Всѣ написаны моею рукою,

писаны не дома, но при самыхъ постеляхъ больныхъ. Число однихъ фамилій простирается за тысячу. Въ одной фамиліи бываетъ много больныхъ, и одинъ больной бываетъ много разъ болѣнъ. Сей архивъ расположенъ азбучнымъ порядкомъ; для каждой буквы назначена особенная книга, въ которой въ одну минуту можно найти описаніе болѣзней каждаго и всѣ рецепты. Сіе сокровище для меня дороже всей моей библіотеки. Печатныя книги вездѣ можно найти, а исторій болѣзней нигдѣ. Въ 1812 году всѣ книги, составлявшія мое богатство и ученую роскошь, оставались здѣсь на расхищеніе непріятелю; но сей архивъ вездѣ былъ со мною; ибо отъ больныхъ пріобрѣтаются книги и цѣлыя библіотеки; отъ больныхъ богаты врачи; на пользу больныхъ должны они взаимно посвящать всѣ избытки и труды свои.

Разсмотримъ же вкратцѣ, какъ должно писать исторіи болѣзней, дабы отъ оныхъ имѣть всю пользу для себя и для больныхъ, и дабы заслужить похвалу отъ просвѣщенныхъ и опытныхъ врачей; ибо таковыми описаніями молодой врачь на врачебныхъ совѣтахъ выигрываетъ довѣренность старыхъ врачей, заслуживаетъ ихъ похвалу въ присутствіи самого больнаго, и тѣмъ утверждаетъ славу свою прочнымъ образомъ въ обществѣ. Таковыя описанія опправляетъ онъ съ больными, отъѣзжающими для лѣченія въ Россійскія столицы и въ чужіе края.

Исторіи болѣзней должно писать точно такимъ порядкомъ, каковой я изложилъ въ испытаніи больнаго, въ опредѣленіи болѣзни и въ способѣ лѣченія. Въ началѣ описывается самый больной: Его возрастъ, сложеніе, соразмѣрность частей, образъ жизни, состояніе, наслѣдственныя

болѣзни, болѣзни прошедшія и пр. составляютъ предрасположеніе къ болѣзни, первый и внутренній предметъ больнаго.

Вторый и наружный предметъ есть изысканіе причинъ, воздѣйствовавшихъ на тѣло или душу больнаго. Сіи причины сказываетъ либо самъ больной, на примѣръ, о простудѣ, о банѣ; либо врачь извѣдываетъ оныя вопрошая больнаго, на пр. о пищѣ, питьѣ, жилищѣ, трудахъ; либо врачь вопрошаетъ самъ себя о воздушныхъ перемѣнахъ, о свирѣпствующихъ повальныхъ и заразительныхъ болѣзняхъ; потому что больной часто не имѣетъ объ нихъ никакого понятія.

Третій предметъ, произшедшій изъ соединенія двухъ первыхъ, есть самая болѣзнь, изысканіе перемѣнъ и припадковъ ея отъ начала до конца, и изслѣдованіе настоящаго состоянія больнаго, съ головы до ногъ. Сіи три предмета извлекаются изъ испытанія или экзамена больнаго.

Четвертый предметъ во врачебной исторіи есть опредѣленіе болѣзни по ея натурѣ, виду, поприщу и величинѣ, и основывается на семъ же испытаніи больнаго.

Изъ сихъ четырехъ происходитъ пятый предметъ, то есть, лѣченіе больнаго. Онъ состоитъ въ трехъ предписаніяхъ: въ назначеніи пищи и питія, внутреннихъ лѣкарствъ и наружныхъ средствъ. Всѣ сіи предписанія должны стремиться къ одной цѣли. Въ сомнительныхъ случаяхъ, въ коихъ перевѣсъ противорѣчущихъ показаній и лѣкарствъ не ясенъ, въ исторіи болѣзней позволяется излагать причины, по коимъ именно сіе, а не другое лѣкарство предписано; позволяется приводить свидѣтельства и примѣры изъ практическихъ писателей, въ особенности изъ Гиппократа.

Шестый и послѣдній предметъ въ исторіи болѣзни есть предвѣденіе исхода болѣзни. Оно основывается на выше сказанныхъ пяти предметахъ, т. е. на познаніи больнаго, на изысканіи причинъ, на ходѣ болѣзни, на опредѣленіи натуры и формы оной и на успѣшномъ, либо безуспѣшномъ ея лѣченіи.

Исходъ болѣзни есть троякій: въ жизнь, въ смерть и въ другую болѣзнь. Предвѣденіе о каждомъ исходѣ имѣетъ три постепенности, т. е. бываетъ сомнительное, вѣроятное, вѣрное. И предсказаніе есть тройственное: надежда, опасность, отчаяніе. Хотя сіи ученыя тонкости вовсе не удовлетворяютъ вопросамъ родныхъ, которые хотятъ знать навѣрное; но для врача служатъ постепеннымъ преуспѣяніемъ въ глубокой наукѣ вѣрнаго предсказанія.

Опредѣливши существо и пользу клиническихъ книгъ, или исторій болѣзней, наконецъ слѣдуетъ назначить предѣлы, изъ коихъ врачь выступать не долженъ.

Исторія болѣзни должна имѣть достоинство точнаго повѣствованія о случившемся произшествіи, слѣдственно должна быть справедлива. Въ ней тѣ только явленія надлежитъ описывать, кои въ самой вещи въ извѣстное время были; а небывалыхъ выдумывать не должно, для оправданія своего лѣченія, либо для утвержденія какого нибудь умозрѣнія или системы.

Исторію болѣзни должно писать рачительно, т. е. главныя и важныя явленія ставить впереди, на коихъ основывается весь планъ лѣченія; но и прочихъ припадковъ не опу-

скать, подобно живописцу малѣйшія черты и тѣни изображающему въ лицѣ человѣка; ибо таковымъ описаніемъ выражается натура болѣзни и печатлѣется физіогномія или видъ оной.

Въ исторіи болѣзни должно бы избѣгать многословія, то есть, излишней подробности; но со временемъ оно само собою пройдетъ, когда врачь навыкнетъ существенные припадки отличать отъ посторонніхъ. Одинъ только Гиппократъ писалъ коротко, и каждый припадокъ имѣетъ у него свою силу въ предсказаніи и лѣченіи.

Какъ лѣчить должно просто, такъ и исторію болѣзни писать просто. Простота есть печать истины. Ни новыми лѣкарствами, ни новыми теоріями, ни новыми болѣзней и лѣкарствъ наименованіями не должно срамить себя предъ старыми врачами, которые больнаго и болѣзнь и самаго врача видятъ насквозь, и которые не краснорѣчіемъ и высокопарностію, но избранными и простыми средствами врачевать приобыкли.

Слушаясь совѣта опытныхъ врачей, самъ преуспѣваешь въ опытности, и разпространяешь предѣлы твоихъ познаній.

Бывъ нѣкогда самъ молодъ и неопытенъ, я всегда любилъ добрые совѣты старыхъ врачей, люблю ихъ и понынѣ и всегда готовъ ими пользоваться. Я торжественно и съ благодарностію признаю, что благовременные совѣты таковыхъ врачей были для меня первою и лучшею школою въ Москвѣ, и несравненно полезнѣе всѣхъ практическихъ книгъ.

За добрые совѣты и мудрыя наставленія въ Бозѣ почивающимъ врачамъ Фрезу, Зибелину, Керестурію, Скіадану, Политковскому, Миндереру, я приношу здѣсь достодолжный благодаренія eиміамъ. Они жили для пользы больныхъ и для назиданія врачей. И память ихъ во благословеніи еще и понынѣ какъ у Московскихъ жителей, такъ и у врачей. Поучая Васъ, Любезные Юноши, я плачу долгъ имъ, и даю взаймы Вамъ, дабы Вы сіе поученіе въ чистотѣ предали врачебному Потомству.

Движимъ будучи искреннимъ желаніемъ, чтобъ Клинической Институтъ принесъ Вамъ всю возможную пользу, я соединилъ въ Словѣ семъ нужнѣйшія для Васъ наставленія. Убѣждать ли мнѣ Васъ, Любезные Юноши, къ внимательному чтенію сего поученія, немалаго труда мнѣ стоившаго? Увѣщевать ли мнѣ Васъ къ прилѣжному и ежедневному посѣщенію сего Института, для Васъ устроеннаго, къ наблюдательному разсматриванію больныхъ и къ чтенію клиническихъ книгъ? Ревнуя о прочной пользѣ Вашей, я долженъ внушить Вамъ, Любезные Юноши, что Слово сіе есть плодъ долговременной опытности; что въ немъ изложенъ путь къ практическимъ познаніямъ; что Вы читая оное, въ полнотѣ воспользуетесь Клиническимъ Институтомъ, для коего оно и писано. Я учился почти во всѣхъ Клиническихъ Институтахъ Европы; служилъ въ морскихъ и сухопутныхъ Госпиталяхъ, во время мира и войны; и до сихъ поръ непрестанно занимаюсь въ Москвѣ городскою, а въ Университетѣ больничною практикою. Свѣденія, изъ долговременнаго служенія моего человѣчеству и изъ службы ГОСУДАРЮ почерпнутыя, посвящаю Вамъ въ семъ поученіи на словахъ, а при постеляхъ больныхъ въ Клиническомъ Инсти-

тутѣ на самомъ дѣлѣ. И такъ поучаяся здѣсь, Любезные Юноши, словомъ и дѣломъ, устрояйте щастіе Ваше, и щастіе больныхъ Вашихъ. Тако исполните радостію и веселіемъ сердца Наставниковъ Вашихъ, ищущихъ единственно пользы Вашей и блага общаго.

О, естьлибъ Вы, Любезные Юноши, возчувствовали достоинство и цѣну сихъ знаменитыхъ Мужей, украшающихъ Московскій Университетъ; Вы бы за грѣхъ и великую потерю поставили себѣ пропускать ихъ уроки, кои драгоцѣннѣе злата! О естьлибъ Вы возчувствовали всю цѣну сихъ учебныхъ заведеній, кои, отъ щедротъ ВЕЛИКАГО ГОСУДАРЯ, устроили Вамъ незабвенные Начальники наши, Вы и въ бѣдности считали бы себя щастливѣе всѣхъ богатыхъ наслѣдниковъ; ибо Ваше достояніе неотъемлемо. Ни тля, ни знать, ни огнь, ни врагъ къ нему не прикоснутся.

Воззриte на врачебный Институтъ, Ваше жилище; воззриte на великолѣпный Анатомическій Театръ и богатѣйшій Кабинетъ, одушевляемый лекціями славнѣйшаго въ Европѣ Анатомика; воззриte на сію учебную больницу, всѣми потребностями преизобилующую; воззриte на всѣ сіи заведенія, МОНАРШИМИ щедротами вновь для васъ устроенныя. Не упоминаю уже о прежнихъ: о Медицинской Библіотекѣ, о собраніи Хирургическихъ и Акушерскихъ инструментовъ; также о пособіяхъ находящихся при Физико-Математическомъ Отдѣленіи, какъ то: о Ботаническомъ садѣ, о Музеѣ Натуральной Исторіи, о Физическомъ Кабинетѣ, о Химической Лабораторіи и проч. Увѣряю Васъ, какъ самовидѣцъ, что наше врачебное благоустройство не уступитъ въ совершенствѣ ни одному блистательному Медицинскому заведенію

въ Европѣ. Сколь же обильныхъ плодовъ въ правѣ ожидать отъ Васъ любезное Отечество наше ?

Теперь все дѣло состоитъ въ Васъ, Любезные Юноши, а не въ учителяхъ и не въ учебныхъ пособіяхъ. — Вамъ остается преуспѣвать въ подвигахъ добродѣтели, въ строгомъ воспитаніи самихъ себя и въ постоянномъ стремленіи духа къ совершенству до конца жизни Вашей.

Тако шествуя отъ силы въ силу, Вы исполните законъ Гиппократа и врачебную его присягу. Тако восходя отъ свѣта къ свѣту, Вы исполните Законъ Божій и Присягу ГОСУДАРЕВУ !

КП-12021

вѣ Европѣ. Сколь же [illegible]авѣ ожидать
отъ Васъ любезное От[illegible]

Теперь все дѣло [illegible]вные Юноши,
а не въ учителяхъ и [illegible]хъ. — Вамъ
остается преуспѣвати [illegible]и, въ стро-
гомъ воспитаніи сами [illegible]ъ стремленіи
духа къ совершенству

Тако шествуя [illegible]сполните за-
конъ Гиппократа и [illegible]Тако восходя
отъ свѣта къ свѣту, [illegible]ій и Присягу
ГОСУДАРЕВУ!

kn-12021

Инв. XIX - 8445.